

— Тьфу! — Хань Чжоу чокнулся с ним бокалом и покачал головой. — Я обнаружил, что ты такой... не знаю, как сказать. Ты совсем не такой, как я представлял.

— Не нравлюсь? — Цзинь Шуань слегка занервничал, пальцы его беспокойно играли с ножкой бокала, издавая тихий скрип, который раздражал.

— Нравлюсь! — Хань Чжоу впервые в жизни произнёс эти слова, и, как только они слетели с его губ, он почувствовал, как тепло разлилось по всему телу. Он быстро поднял бокал и, не обращая внимания на то, что это красное вино, выпил залпом. Потом, поддавшись алкоголю, добавил:

— Ты мне настолько нравишься, что, если ты не напишешь мне, я буду злиться и не смогу уснуть.

Сказав это, он словно обжёгся и тут же отвел взгляд, снова наливая вино.

Неожиданное признание застало Цзинь Шуаня врасплох. Он остановил руку с бокалом, глядя на покрасневшую шею Хань Чжоу, и почувствовал сильное желание сорвать с него одежду и впиться зубами в пульсирующую артерию.

В тот вечер Хань Чжоу вернулся домой уже поздно. На их стадии отношений можно было бы остаться, но оба почему-то не стали этого делать.

Короткая разлука лишь усиливала чувства. Чтобы продлить время вместе, Цзинь Шуань проводил Хань Чжоу до подъезда. Когда Хань Чжоу зашёл в лифт, он вдруг развернулся и побежал.

Парень в лифте удивился, высунувшись, чтобы посмотреть, куда побежал Хань Чжоу.

Хань Чжоу жил невысоко, и подняться по лестнице было недолго, но он был ленив и обычно этого не делал. Однако сегодня он решил быть активным, потому что в подъезде были датчики света, и, если человек внизу ещё не ушёл, он мог увидеть его.

У каждого в сердце есть самое нежное место, которое обычно скрыто, но, если его затронуть, оно начинает болеть и щемить. Это место называется слабостью. Как сейчас: «Я не знаю, видишь ли ты меня, но я сделаю всё, чтобы ты увидел». Это чувство, вызванное болью в сердце, возможно, и есть любовь.

Свет в подъезде загорался и гас, и каждый раз это касалось сердец обоих. Сердца дрожали, как маленькие огоньки на свечах.

Хань Чжоу тихо открыл дверь. В доме все, казалось, уже спали. Он, как мышь, на цыпочках пробрался в свою комнату и, не включая свет, достал телефон, чтобы написать Цзинь Шуаню: [Дядя Цзинь, я дома. Когда доберёшься, напиши.]

Он постоял с телефоном в руках, всё ещё находясь в состоянии тихого возбуждения, и ждал ответа, но его не было.

Хань Чжоу усмехнулся, чувствуя, что действительно влюбился, и, сняв куртку, отправился в ванную.

Внизу Цзинь Шуань слушал голосовые сообщения Хань Чжоу, которые звучали в темноте особенно нежно и напряжённо. Наконец водитель спросил:

— Господин, поедем?

Цзинь Шуань опустил телефон, достал из кошелька деньги и протянул их:

— Поезжай сам. Я сам доберусь.

Водитель немного поколебался, но взял деньги и уехал.

Той ночью Цзинь Шуань просидел у дома Хань Чжоу до утра. Он выключил фары и слушал его голосовые сообщения, представляя, как он спит, как признался в любви. Эта сладость согревала его столетнее одиночество, радуя и пугая одновременно.

В половине второго ночи он увидел, как в окне второго этажа загорелся свет. Из окна Хань Дуна доносилась мелодия губной гармошки, которая опускалась в машину. Цзинь Шуань закрыл глаза и заснул под «Эдельвейс».

Цзинь Шуань был занят. Новые сотрудники ещё привыкали друг к другу, но в целом людей стало больше. После Нового года студия начала принимать новые заказы. У нового клиента была необычная геология, что представляло интересный вызов. Перед подписанием контракта Цзинь Шуань решил лично осмотреть место. Кроме того, большая часть его бизнеса находилась в Великобритании, и ему нужно было время от времени встречаться с управляющими, проводить советы директоров. Поэтому он отправился в Великобританию, где провёл больше двух недель.

Вечером они говорили по телефону. Хань Чжоу свернулся калачиком под одеялом, оставив снаружи только глаза. Он положил телефон на подушку и жаловался, что в доме холодно из-за проблем с отоплением.

Цзинь Шуань, находившийся в своём офисе, повернул кресло к окну и тихо засмеялся:

— Завтра я отправлю тебе ключи от моего дома. Адрес ты знаешь.

— Не надо, — Хань Чжоу улыбнулся. — Рядом полно отелей. Если бы было совсем невыносимо, я бы давно уехал. Не думай, что я дурак.

Он замолчал, немного смущаясь.

— Просто хотел пожаловаться.

Иногда мужчины могут быть невыносимо сентиментальными. Эти слова не только заделли Цзинь Шуаня, но и самого Хань Чжоу. Сказав это, он прижал телефон к уху и уткнулся лицом в подушку.

— Ты, — Цзинь Шуань засмеялся, и его низкий смех донёсся до Хань Чжоу, пробежав по всему телу.

Хань Чжоу почувствовал, как его тело отреагировало. Он закрыл глаза, стараясь дышать ровно, и через некоторое время сказал:

— Когда вернёшься? Новый фильм вышел, хочу посмотреть. Если ещё будет в прокате, ходим.

— Ещё неделя, — Цзинь Шуань закурил.

Ему каждый год нужно было проводить время в Великобритании. Хотя в компании была

хорошая система управления, но, если владелец не следит за делами, может начаться коррупция. Поэтому он не мог вернуться раньше.

Он выдохнул дым и смягчил голос:

— Скучаю. Постараюсь вернуться поскорее.

Хань Чжоу почувствовал себя счастливым. Цзинь Шуань иногда мог быть коварным и забавным, но он всегда давал чувство безопасности.

Хань Чжоу тихо прошептал:

— Что делать, у меня встал.

Их отношения ещё не дошли до этой стадии, но и недалеко от неё. Если бы сейчас был день, Хань Чжоу, возможно, не признался бы, но ночь придала ему смелости. Он ждал ответа, но его не было.

Из трубки доносился тихий звук горячей сигареты. Хань Чжоу, казалось, чувствовал запах табака. Ему стало больно, и он начал нервничать.

Наконец он услышал, как Цзинь Шуань сглотнул и сказал:

— У меня тоже.

...

Цзинь Шуань вернулся девятого марта. Был холодный день. Он специально сказал Хань Чжоу, что вернётся на день позже, чтобы тот не встречал его в аэропорту.

В тот день закончился последний экзамен в Академии искусств. Несколько дней назад шёл снег, и из окна было видно грязь на дорогах. На ветках деревьев висели последние листья, а люди шли, сжавшись от холода.

Студенты, сдавшие экзамены, уже разъехались, но студия не опустела. На стенах висели работы предыдущих учеников, а за мольбертами сидели новые лица.

Экзамены по искусству жестоки. Независимо от того, уверен ли ты в себе или всё ещё сомневаешься, этот автобус всегда полон пассажиров.

<http://bllate.org/book/15564/1415550>